

Саша Чёрный

Физика Краевича

*Часть сборника
Избранная проза*

Саша Чёрный

Физика Краевича

«Public Domain»

Чёрный С.

Физика Краевича / С. Чёрный — «Public Domain»,

«Начальница Н-ской мариинской гимназии сидела у себя в кабинете и поправляла немецкие тетрадки. Если считать кабинет рамкой, а начальницу гимназии картинкой, то картинка и рамка чрезвычайно подходили друг к другу. Блеклые обои, блеклая обивка мягких уютных пуфов и диванчика – такое же блеклое, полное лицо начальницы, такая же мягкая уютная фигура, заполнившая кресло...»

Саша Чёрный

Физика Краевича

Начальница Н-ской мариинской гимназии сидела у себя в кабинете и поправляла немецкие тетрадки. Если считать кабинет рамкой, а начальницу гимназии картинкой, то картинка и рамка чрезвычайно подходили друг к другу. Блеклые обои, блеклая обивка мягких уютных пуфов и диванчика – такое же блеклое, полное лицо начальницы, такая же мягкая уютная фигура, заполнившая кресло. Кружевные, цвета слоновой кости салфеточки на стареньких столиках с витыми ножками и такая же наволочка на старенькой голове... А пушистые, взбитые седые волосы так похожи были на лежавший между двойной рамой окна пухлый валик ваты. Правда, вата была пересыпана зеленым и алым гарусом, а серебристый ободок ничем не был пересыпан...

Над письменным столом на окне в овальных либо округленных по углам, черного дерева рамочках висела домашняя летопись-иконостас, бесконечная родня. Мужчины, даже отставные военные с поперечными погончиками и в белых штанах, – все почему-то походили кто на Герцена в молодости, кто на Майкова, кто на Гаршина. Хотя никто из них, кроме приказов по полку, докладных записок и трафаретных старомодных любовных писем, ничего не сочинял. Женщины в длинных юбках пагодой, с лебяжьими шеями в детских воротничках, с мягкими, обращенными в неземное глазами смутно напоминали иллюстрации к ненаписанным тургеневским рассказам. Но, впрочем, все они, и женщины и мужчины, даже плотный и безбородый морской врач с треуголкой под мышкой, даже трехлетний голый философ, сосавший в рамке на подушечке собственный кулачок, – каждый определенно какой-нибудь чертой был похож на поправляющую немецкие тетрадки начальницу гимназии. Мягким спокойствием, добротой, округлостью лица и какой-то общей уютностью, что ли, всей фигуры, которая никуда не торопится, с места зря не сорвется. И очень скупа на всякую жестикуляцию.

В окне сквозь полупущенную штору еще ясно синел отходящий зимний день, но над столом уже разливала янтарный свет граненая керосиновая лампа на малахитовой в желобках колонке под светло-синим стеклянным полушарием. Высокая, до потолка, кафельная печь, мерцающая белой эмалью изразцов, ровно излучала тепло. По карнизу, опоясавшему ее, выстроились детским интернатом вазончики с крошечными кактусами и агавами. Мохнатые зеленые бородавки – они любили тепло, а здесь, на груди кафельной печи, температура была почти итальянская... На подоконнике, прижавшись в угол, тянулось кверху излюбленное всеми начальницами «восковое дерево», темные, словно клеенчатые листья в гроздьях мелких беловато-восковых звездочек-цветов.

Недобрая работа – вылавливание ошибок – мало радовала добрую начальницу. Безо всякого злорадства, с огорчением и вздохом она слабой-слабой красной чертой, словно извиняя и оправдывая, подчеркивала искаленные немецкие слова. Полуошибки снисходительно пропускала... Отметки ставила щедро, и, когда перед ее глазами всплывал обиженный профиль нерадивой гимназистки, она прибавляла к баллу плюс. Но потом вспоминала о долге воспитательницы и острым тоненьким почерком приписывала сбоку: «Могло быть и лучше».

За спиной вдруг дрогнула половица. Она повернула голову: старший внук Васенька, стараясь не шуметь, проходил за спиной в гостиную.

– Добрый вечер, бабушка!

– Ты что же, Васенька, все дома да дома?

– Никуда не хочется. Читать буду.

Скрылся за портьерой. Такой же тихий и неторопливый, как бабушка, бабушкины мягкие серые глаза, крепкий и сильный, в плотно сидящей гимназической курточке с острым верхним углом. Острые манжеты, высокий воротничок, велосипедный брелок-колечко с меркурье-

выми крылышками, брюки на штрипках... Прифрантиться любит, это у него наследственное. И тихоня, тоже, должно быть, по семейной традиции: семиклассник, молод, здоров, – чем пойти к приятелям, – сидит дома, как монашек в келье... Бабушка вытерла замшевой розеткой перо, окунувшееся по ошибке в черные чернила, и придвинула к себе красный пузырек поближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.